

Пустошь

Дмитрий Демидов

Пустошь

18+

Дмитрий Демидов

Пустошь

<https://litres.ru/74084081>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пустошь — это динамичный, мрачный психологический хоррор и детектив о том, как далеко может зайти человек, движимый обидой и жаждой мести.

История, в которой прошлое никогда не умирает, а эхо старых преступлений разносится над водой спустя десятилетия.

Но даже в этом мире, полном кошмара, страха, безысходности и отчаяния, есть место светлым моментам: честности, бескорыстности, дружбе, юмору и, конечно, любви.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	21
Часть вторая	28
Глава 1	28
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Пустошь

Часть первая

Глава 1

Туман не был похож на обычный утренний туман. Он лежал на плечах, как мокрая простыня, и не двигался. Плотный, равнодушный, гасящий звуки и скрадывающий расстояние, он просто висел. В его мертвенной белизне даже собственные шаги звучали глухо, будто кто-то замотал ноги ватой, и чудилось в этой неподвижности нечто зловещее, древнее, как сам этот лес, словно сама природа затаила дыхание перед чьим-то приходом.

Они шли друг за другом по обочине грунтовки, которая давно превратилась в две параллельные колеи, заполненные жидкой грязью. Впереди шел Олег, сжимающий в руке мёртвый телефон. Экран был чёрный, но он всё равно поглядывал на него каждые полминуты, по привычке, по глупой надежде, что связь вдруг появится из ниоткуда.

За ним брела Кира. Она старалась дышать ровно, но сырой и холодный воздух царапал горло и пах прелой листвой с какой-то едва уловимой сладковатой примесью. Так пахнет в подвалах старых домов, где долго лежали яблоки, а потом

сгнили. Так пахнет тлен, — подумала она и тут же пожалела, что эта мысль вообще пришла ей в голову.

Дальше шла Лера. Единственная, кто пытался шутить полчаса назад. Теперь она молчала, втянув голову в воротник куртки, и смотрела только под ноги.

Четвёртым был Влад. Он нервно крутил в руках фотоаппарат, то включая, то выключая его. Объектив тихо жужжал, выезжая и заезжая обратно. Этот звук казался единственным живым в мёртвом лесу.

Замыкал цепочку Игорь. Он шёл, поминутно оглядываясь через плечо, и каждые десять шагов повторял тихо, сквозь зубы, словно молитву одну и ту же фразу:

- Надо было у машины ждать. Надо было у машины...

Лес молчал: не пели птицы, не трещали ветки, не шуршала листва под ногами. Даже ветра не было. Только чавканье подошв по грязи и неровное, испуганное, с лёгким присвистом дыхание Киры. А потом тишину разрезал крик, он возник неожиданно - высокий, женский, захлёбывающийся. В нём не было слов, только чистый, животный ужас, вырвавшийся из глотки. Кира вздрогнула всем телом и вцепилась в рукав Лериной куртки. Пальцы онемели, ногти впились в ткань. Где-то глубоко внутри, на самом дне сознания, тонкая нить, связывающая её с реальностью, натянулась до предела и жалобно зазвенела.

Звук оборвался так же внезапно, как и возник. Будто кто-то выдернул шнур из розетки. Пять секунд они стояли не

шевелиясь. Олег обернулся. Лицо у него было бледное, губы сжаты в тонкую белую полоску.

- Что за херня? - выдохнул Влад. Фотоаппарат в его руках щёлкнул и выключился.

- Может зверь какой, - отозвался Олег, но голос дрогнул на второй гласной. - Или птица какая.

- Птица так не кричит, - тихо сказала Кира и тут же пожалела, что произнесла это вслух. Потому что как только слова сорвались с губ, тишина вокруг стала ещё плотнее. Она давила на барабанные перепонки, как перед грозой.

- Ага не кричит! Ты слышала, как Выпь орёт? - доказывал свою правоту Олег.

- Ладно, пойдём быстрее, - продолжил он, ускоряя шаг.

Они сделали ещё шагов двадцать, может, тридцать. Дорога начала забираться влево, огибая старый, замшелый пенёк, похожий на скрюченную человеческую фигуру. Игорь, шедший последним, внезапно замер. Его правая нога застыла в воздухе, не опускаясь в грязь.

- Там кто-то есть, - сказал он. Голос был чужим, севшим.

Сперва никто ничего не увидел. Только серое молоко тумана и чёрные стволы деревьев, проступающие из него, как рёбра мёртвого зверя. Кира сощурилась, вглядываясь вперёд. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Из тумана проступила тень, вертикальная, высокая, широкая в плечах. Она стояла прямо на дороге, перекрывая путь, и была абсолютно, неестественно неподвижна. Человек не может

стоять так неподвижно. Даже в глубоком сне мышцы подрагивают, грудь поднимается от дыхания. А эта тень застыла, как каменное изваяние, словно грубое творение безумного ваятеля в припадке горячки.

- Это дерево, - прошептала Лера, но сама не верила в свои слова.

Тень шагнула вперёд. Один шаг. Тяжёлый, уверенный, с влажным чавкающим звуком. Ещё шаг, и ещё, теперь они видели его отчётливо. Мужчина - под два метра ростом, может, чуть выше. Плечи широкие, как дверной проём, руки длинные, висящие вдоль тела. Одет в замызганную телогрейку, местами продранную до ваты, и высокие резиновые сапоги, покрытые коркой засохшей грязи. За спиной виднелся огромный туристический рюкзак, старый, выцветший до серо-зелёного оттенка, с погнутой металлической рамой. На поясе, в кожаном чехле, висел топор. Лезвие было на удивление чистым, оно блестело даже в сером, утреннем свете, словно его только что старательно вытерли.

Но страшнее всего был низ рюкзака. Ткань пропиталась чем-то тёмным, почти чёрным. Эта влага не высыхала, она медленно ползла вниз, собираясь в тяжёлые капли на самом дне. Капли срывались и падали в грязь с тихим, едва слышимым шлепком. А из-под верхнего клапана, там, где застёжка не сошла до конца, свисало что-то тонкое, бледное, с розовыми, аккуратно подстриженными ногтями. На безымянном пальце тускло блеснуло тонкое золотое колечко.

Пусть это будет кукла. Пусть это будет чья-то дурацкая шутка. Розыгрыш. Съёмки скрытой камеры. Что угодно. Но где-то внутри, в том самом месте, где живёт древний, звериный страх, Кира уже знала правду. Знала с той же неотвратимой ясностью, с какой знаешь о приближении грозы по тяжести воздуха и синему свечению на горизонте.

Влад подавился вдохом. Фотоаппарат выскользнул из ослабевших пальцев и повис на ремешке, больно ударив его по животу. Игорь попятился, но поскользнулся на мокрой траве и едва не упал. Лера застыла, не в силах отвести взгляд от того, что покачивалось в такт шагам незнакомца. Олег судорожно сглотнул. Он хотел рвануть вперёд, заслонить собой девочнок, сделать хоть что-то, но тело стало чужим.

Мужчина подошёл ближе. Теперь они видели его простое деревенское лицо, с глубокими складками у рта и щетиной, пробивающейся на впалых щеках. Такое лицо могло бы принадлежать трактористу, леснику, отцу большого семейства. Но его глубоко посаженные глаза были пустые, как окна заброшенного дома, в которые давно уже смотрит только ночь. Неестественно расширенные зрачки, будто он принял что-то сильнодействующее или просто очень давно не спал, блёклая, водянисто-серая, почти бесцветная радужка. На губах играла мягкая почти ласковая улыбка, адресованная кому-то, кого видит только он сам. Не злая, не торжествующая, не предвкушающая. Безумная.

Они прошли мимо него, почти вжимаясь в противополож-

ный край дороги. Ветки кустарника хлестнули Леру по плечу, оставив мокрый след. Кира смотрела прямо перед собой, боясь даже скосить глаза. Ей казалось, что стоит встретиться с ним взглядом, как сразу случится что-то непоправимое, что-то, от чего она уже не сможет проснуться. Игорь замыкал процессию. Когда он поравнялся с незнакомцем, тот медленно повернул голову вслед. Движение было плавным, неестественно плавным, как у механической куклы. Улыбка не исчезла. Он смотрел им в спины, и каждый из пятерых чувствовал этот взгляд - тяжёлый, липкий, обволакивающий, как холодная патока. Он давил между лопаток, заставляя мышцы спины непроизвольно сжиматься.

Не оборачивайся. Не оборачивайся. Не оборачивайся.

Никто не обернулся. Никто не произнёс ни слова.

Дорога увела их дальше, за поворот, скрыла от незнакомца густой стеной тумана. И только тогда, когда деревенская избышка с крохотным окошком показалась впереди, Игорь выдавил хриплым шёпотом:

- Вы видели? Вы все это видели? Кольцо на пальце... оно было обручальное.

Никто не ответил, да и что тут было говорить, слова утратили вес. Остался только липкий холод под курткой, дрожь в коленях и знание - простое, как удар топора, - что из этой Пустоши не возвращаются.

Глава 2

Дверь отворилась с тяжёлым, надсадным скрипом, будто старуха не открывала её много дней, а может, и недель. Изнутри пахло теплом, сушёными травами и ещё чем-то неуловимым, кисловато-сладким, отчего у Киры на мгновение закружилась голова. Так пахнет в старых деревенских домах, где редко проветривают и открывают окна, а запах – это неотъемлемая часть дома, своего рода визитная карточка.

Внутри изба оказалась именно такой, какой её представляешь, когда слышишь слово «глухомань», - и всё же в ней было что-то неправильное, выбивающееся из картинки.

Старые стены, закопчённые брёвна, тёмные от времени и печной сажи. Кое-где между ними торчали клочья пакли, почерневшей и свалывшейся, а в углах, под самым потолком, висела густая паутина, которую явно не тревожили годами. Свет давала единственная свеча на столе - толстая, оплывшая, с чёрным фитилём, - и от неё по стенам метались ленивые, дрожащие тени, заставляя брёвна казаться живыми: будто изба медленно, незаметно для глаза, дышала.

Пол устлала выцветшие домотканые дорожки, с неровными краями, когда-то, наверное, яркие, а теперь серо-бурые, как осенняя грязь. Они лежали в несколько слоёв, местами протёртые до дыр, и под ними угадывались такие же

старые, некрашенные половицы, рассохшиеся и скрипучие. Каждый шаг отдавался в них глухим, жалобным стоном.

Мебель была самодельной, грубой, сколоченной явно не городским мастером, а человеком, привыкшим работать топором и не особо заботившимся о красоте. Массивный стол из толстых плах, с выщербленной, заляпанной чем-то тёмным столешницей. Вокруг него стояли три стула, вернее, три табурета разной высоты, сбитые из обрезков досок и горбыля. Один из них, самый высокий, стоял у печки и, кажется, служил старухе креслом: на нём лежала скомканная телогрейка, заменявшая подушку. Русская печь занимала едва ли не половину избы. Белёная когда-то, теперь она была вся в серых подпалинах и трещинах, из которых выпирала глина. Лежанка наверху была застелена старым лоскутным одеялом, сшитым из кусочков ситца и шерсти, - яркие когда-то лоскуты выцвели до неузнаваемости, и теперь одеяло напоминало карту какой-то неведомой, мёртвой земли. На печи стояли чугушки и глиняные горшки, покрытые слоем пыли и засохшего жира.

В углу, где в деревенских домах обычно висят образа, зияла пустота. Вместо них на полочке стояла почерневшая коряга, отдалённо напоминавшая скрюченную человеческую фигурку. Перед ней лежали сухие цветы и что-то похожее на комок свалявшейся шерсти. Кира скользнула по этому взглядом, и ей стало не по себе, но она не поняла почему, списав всё на усталость и пережитый в лесу страх.

Старуха, шаркая, прошла к печке, опустилась на свой табурет и сложила руки на коленях. Жёлтый свет свечи упал на её лицо, прорезав глубокие морщины, и Кире на миг показалось, что перед ней не живой человек, а восковая кукла, которую забыли выбросить. Она пахла воском и сухой пылью. Сидела, сложив руки на коленях, и говорила, говорила, говорила - тихо, монотонно, будто ждала их много лет. Жизнь у неё была тяжёлая: муж помер от водки, корова пала в позапрошлую зиму, а сын, Алёшенька, погиб на комбайне.

- Хороший был мальчик, работающий, - шептала она, перебирая стопку выцветших фотографий. - Всё по дому делал. Комбайн этот проклятый... затащило его, и не нашли толком. Хоронили пустой гроб.

Она протянула им карточку. Со снимка смотрел молодой парень в замасленной кепке, стоящий рядом с огромной красной машиной. Лицо простое, деревенское, но в глазах огонёк. Уголки губ чуть приподняты в улыбке.

Кира взяла фото, поднесла ближе к свече. И тут её пальцы дрогнули. Улыбка. Взгляд исподлобья. Плечи.

- Это он? - спросила она, хотя уже знала ответ.

Старуха кивнула, не поднимая глаз. Игорь выхватил снимок, всмотрелся, потом перевёл взгляд на ребят. В тишине избы стало слышно, как в печке потрескивают угли.

- Это тот самый мужик, - прошептал Влад, побелев. - С топором в лесу.

Они зашептались - быстро, эмоционально, поглядывая на

бабушку. Она вроде бы не слышала, сидела, покачивая головой, словно китайский болванчик. Но когда Кира случайно встретилась с ней взглядом, то увидела, что старуха смотрит прямо на них. И улыбается, той же безумной улыбкой, что и сын.

- Может, показалось? - неуверенно спросила Лера. - Она просто старенькая.

Никто не ответил. Бабушка поднялась, шаркая, подошла к двери.

- Ложитесь, детоньки. Завтра дорогу покажу. А я пойду, проверю, закрыто ли.

Дверь за ней закрылась. В избе повисла тишина. Они лежали на жёстких тюфяках, не в силах сомкнуть глаз. А потом снаружи послышались шаги. Тяжёлые, размеренные, с чавкающим звуком, будто по грязи идёт кто-то очень крупный.

Шаги приближались. Скрипнула входная дверь.

- Мама, - раздался низкий, спокойный голос. - Они спят?

Пауза. И ответ, едва слышный, как шорох сухих листьев:

- Спят, Алёшенька. Спят.

Лера зажала рот ладонью. Кира вжалась в стену. Влад попытался нащупать что-то тяжёлое, но рука наткнулась только на пустую кружку из-под чая.

Тёмный силуэт заполнил дверной проём. Лунный свет блеснул на лезвии топора.

Глава 3

Свеча на столе догорела, оставив только сизый дымок, и теперь единственным источником света была узкая полоска луны, пробивавшаяся сквозь крохотное оконце. Она лежала на полу, как белая простыня, разрезая избу пополам.

Кира лежала, вжавшись спиной в бревенчатую стену. Каждое волокно дерева, каждая зазубрина врезались в позвоночник, но она не шевелилась. Рядом, на соседнем тюфяке, Лера зажала рот обеими ладонями. Глаза её были широко раскрыты, белки блестели в темноте, как у загнанного зверька. Парни - Олег, Игорь и Влад - лежали вдоль противоположной стены, притворяясь спящими. Олег сжимал в руке пустую кружку, сам не понимая, что будет с ней делать. Влад тихо, почти беззвучно, шевелил губами - то ли бормотал что-то бессвязное, то ли матерился сквозь зубы.

- Спят, Алёшенька. Ты проходи, не стесняйся.

Половицы прогнулись под весом огромного тела. Лунный свет упал на фигуру, заполнившую дверной проём. Алёшенька стоял, чуть сторбившись, чтобы не задеть притолоку. Рюкзака за спиной уже не было. Топор не висел на поясе, теперь он держал его в правой руке, лезвие тускло блестело.

Кира зажмурилась. Она слышала, как часто забилося сердце где-то в горле, мешая дышать. «Только не шевелись. Только не смотри. Они уйдут. Это сон. Просто сон».

Тяжёлый шаг. Ещё один. Алёшенька прошёл мимо Леры, даже не взглянув на неё, и остановился над Владом. Тот лежал ничком, уткнувшись лицом в жёсткую подушку. Плечи его мелко дрожали.

В тишине избы прозвучал щелчок - это Олег перехватил кружку поудобнее.

Алёшенька повернул голову на звук. Движение было медленным, плавным, как у большого зверя. Луна осветила его лицо - простое, деревенское, с глубокими складками у рта. И улыбка. Всё та же безумная улыбка, от которой кровь стыла в жилах.

- Не спят, мама, - сказал он всё тем же спокойным, почти ласковым голосом. - Глазки закрыли, а дышат громко. Как зайчики в силках.

Олег вскочил первым. Кружка полетела в голову Алёшеньки, но тот даже не пошевелился, она ударилась о плечо и отскочила, как от бетонной стены. Игорь рванулся к двери, но поскользнулся на тряпке и упал, больно ударившись коленом. Влад тонко, по-бабьи закричал, закрывая голову руками.

А потом началась кровавая баня. Алёшенька шагнул вперёд и одним широким движением, почти без замаха, опустил топор. Лезвие раскроило череп Игоря, вонзившись в пол и расщепив доски. Влад взвизгнул и попытался отползти, но огромная ладонь сгребла его за шиворот, как котёнка, и швырнула на огромный стол.

- Не балуй, - прогудел Алёшенька, выдёргивая топор.

Второй удар пришёлся по столу, на котором трепыхался, постанывая Влад. Топор с лёгкостью и характерным звуком ломающихся костей, пробил позвоночник и грудную клетку, врезавшись в столешницу, которая разлетелась в щепки.

В углу на полу дрожал Олег, обняв колени резко качаясь взад и вперёд, что-то подшёптывая. Алёшенька подошёл к нему, схватив за волосы вытащил на середину избы сказал:

- Мам, этот для тебя!

Олег завизжал. Бабка с остервеневшим выражением лица выскочила из темноты с большим хлебным ножом и то ли с приглушённым визгом, то ли с шипением напрыгнула на Олега и начала втыкать в него нож. Она била не сильно, неумело и лезвие втыкалось не больше чем на треть, а иногда, когда она попадала прямо в ребра нож и вовсе пробивал только кожу. Ударов было очень много. Вскоре бака устала и тяжело дыша отошла в сторону сказав:

- Заканчивай!

Лера закричала. Этот крик был тем самым - утробным, звериным, похожим на тот, что они слышали в лесу. Он разорвал ночную тишину, но тут же оборвался, захлебнувшись. Кира видела, как тёмный силуэт Алёшеньки навис над Лерой. Увидела взмах. Услышала влажный, чавкающий звук, от которого её желудок сжался в тугой комок. Что-то тёплое брызнуло на стену рядом с её лицом. Она попыталась закричать, но из горла вырвался только сип. Ноги не слуша-

лись, руки стали чужими. Она могла только смотреть, как Алёшенька поворачивается к ней, как улыбается - всё так же ласково и безумно, - и как луна играет на мокром лезвии топора.

- Мама, - позвал он, не оборачиваясь. - А эта чего не кричит?

Из сеней донёлся скрипучий голос старухи:

- А она у нас тихоня, Алёшенька. Ты с ней поласковее.

Топор поднялся в последний раз. Всё стихло. В избе повисла та самая тишина - плотная, как вата, пропитанная запахом железа и чего-то тёплого, парного, что поднималось от тел, ещё не успевших остыть. Алёшенька выпрямился во весь свой огромный рост. Топор выскользнул из разжавшихся пальцев и с глухим стуком упал на пол, подняв облачко пыли. Он стоял посреди избы, тяжело дыша, и луна рисовала на его лице причудливые тени, от которых черты казались размытыми, нечеловеческими.

Потом он медленно, словно во сне, поднял левую руку и начал бить себя ладонью по виску. Не сильно, но ритмично, настойчиво, как будто пытался вытрясти из головы назойливую мысль или засевшего там жука.

Шлёп. Шлёп. Шлёп. Звук был влажным, ладонь, испачканная в крови, оставляла на щеке и виске тёмные разводы. И одновременно с этим он начал издавать странный звук - тоненькое, прерывистое хихиканье, которое больше походило на всхлипы ребёнка. Он хихикал и бил себя, бил и хихи-

кал, раскачиваясь с носка на пятку. В этом ритме было что-то гипнотическое, завораживающее, как в раскачивании маятника, отсчитывающего последние секунды чьей-то жизни.

- Ти-хо-ни... - прошепелявил он вдруг, растягивая гласные. - Ма-а-ма сказала - по-лас-ко-ве-е...

Он замер, перестал бить себя и медленно опустился на корточки рядом с телом Киры. Глаза его, до этого пустые и расширенные, вдруг наполнились такой нежностью, таким щенячьим умилением, что это было в сто раз страшнее его безумной улыбки. Он протянул огромную, грубую ладонь и почти невесомо коснулся её волос, слипшихся от крови.

- Красивая... - прошептал он и вдруг издал низкий, утробный стон, который тут же перешёл в протяжный, скулящий вой. Он выл тихо, в нос, не открывая рта, и при этом гладил мёртвую Киру по голове, словно успокаивал заснувшего ребёнка. Вой оборвался так же внезапно, как и начался. Алёшенька выпрямился, деловито оглядел избу, перевёл взгляд на топор, лежащий в луже тёмной жидкости. Поднял его, аккуратно вытер лезвие о собственную телогрейку и повесил обратно на пояс.

Лицо его снова стало спокойным, почти умиротворённым. Только на виске остался красный след от собственной ладони, а в уголке рта подёргивалась жилка - мелко, часто, как у человека, который пытается сдержать смех, но не может.

- Ма-ам, - позвал он будничным тоном, перешагивая через

то, что осталось от Игоря. - Я закончил. Ты там как, управилась, тебе помощь нужна?

Из сеней донёсся шаркающий звук, и в дверном проёме появилась старуха. Она окинула взглядом избу - спокойно, по-хозяйски, как оценивают работу, которую заказали на день.

- Хорошо, Алёшенька, хорошо. Чисто сработал. Пойди умойся, а я тут сама приберусь пока.

Снаружи, если бы кто-то проходил мимо избушки в этот глухой час, он увидел бы только одно: крохотное оконце, в котором горит жёлтый свет, вдруг погасло. А потом изнутри на мутное стекло плеснуло что-то густое, бурое, почти чёрное. Оно медленно поползло вниз, оставляя маслянистые разводы.

Стояла звенящая тишина. А через минуту дверь избушки скрипнула, и на порог вышла старуха с ведром и тряпкой. Она деловито зачерпнула воды из бочки и принялась мыть крыльцо, напевая себе под нос что-то без слов.

Было уже за полночь, на лесной дороге стоял красный седан, внутри сидели двое: мужчина и женщина. Мотор ревел, колёса бесполезно вращались, а машина оставалась на месте.

- Да блин, походу на днище сели, — громким, возмущённым голосом вопил мужчина.

- Тебе же захотелось парного молочка попить, а могли

просто заночевать в той гостинице, - не менее возмущённым голосом ответила женщина. Мужик с огромным пузом вылез из машины и пнул переднее колесо.

- Да ладно, угомонись! Ща я решу вопрос, — достав телефон, начал набирать какой-то номер. Зажав телефон между щекой и плечом, он, подойдя к старому пню, начал опорожнять свой мочевого пузырь. Обмочив пальцы правой руки и громко ругнувшись, посмотрел в телефон.

- Нету грёбаной связи, что за задница! — уже не так уверенно сказал «решальщик вопросов».

- Ладно, Зинок, пойдём вперёд по дороге, там деревня должна быть. Я помню, было что-то такое на карте.

- Я все ноги собью из-за тебя об эти поганые корни, - причитала Зина, перешагивая через огромного размера корневища.

- Ща найдём какого-нибудь Михалыча на тракторе, выдернем машину и поедем в твою гостиницу, как ты и хотела. Ну а уж после я тебя и расслаблю. Ха-ха-ха!- смеялся пузатый, хватая свою спутницу за ягодицы и грудь!

И они пошли дальше. Вглубь. Навстречу дому с маленьким оконцем.

Глава 4

Старенький «Сузуки-Бандит» подъехал к отделу, рыкнул напоследок и затих. Мотоцикл был видавший виды - краска на баке выцвела, на глушителе темнели следы ржавчины, но держался он бодро, как старый пёс, который давно привык к хозяину и не собирался подводить. Сидевший за рулём мужчина, лет тридцати пяти, снял шлем. Движение вышло привычным, даже небрежным. Русые волосы, чуть взлохмаченные после шлема. На висках — ранняя проседь, серебрящаяся в утреннем свете. Гладко выбрит. Подтянут, спортивен, без показной мускулатуры, но было видно, что человек следит за собой, не тщеславия ради, а потому что в его работе иногда приходится бегать и догонять.

Он повесил шлем на руку и направился к проходной.

- Привет, - бросил дежурному, проходя через турникет, и слегка взмахнул свободной рукой - не то, чтобы помахал, а так, обозначил присутствие.

- Денис! - окликнул его дежурный, немолодой прапорщик с лицом человека, который видел всё и уже ничему не удивляется. - Ты сегодня с нами?

- А что сегодня? - мужчина со шлемом остановился, обернулся.

- У Дудко днюха. Бар, баня, всё как обычно. Скидываемся по пять косарей.

- Дел по гланды, ничего не обещаю, Коль.

Он уже развернулся, чтобы идти, но вдруг задержался.

- Там «Камри» Шрека стоит. Он что, уже приехал?

Дежурный хмыкнул. Шреком в отделе звали начальника - полковника Титова, человека тучного и лысого, чьё сходство с известным мультяшным персонажем было предметом не злых, но упорных шуток. Сам Титов об этом знал и бесился, но поделать ничего не мог - кличка прилипла намертво.

- Да, сегодня же проверка. С главка приедут, вот он и припёрся спозаранку. Рвёт и мечет, орёт уже на кого-то.

Мужчина со шлемом недовольно скривил лицо и двинулся к лестнице.

- Что с вечером-то? - крикнул дежурный вдогонку.

- Я тебе позже скажу, - ответил мотоциклист, не оборачиваясь.

Звали его Серёгин Денис Дмитриевич. Капитан уголовного розыска. В прошлом опер, сейчас следователь, один из тех, кто занимается всем подряд: от мелких краж до убийств. В его кабинете на втором этаже вечно пахло дешёвым кофе и бумажной пылью, а на столе громоздились папки, которые он раскладывал в каком-то одному ему понятном порядке.

Поднимаясь по лестнице, он уже слышал крик начальника. Голос у Титова был под стать комплекции - мощный, раскатистый, способный перекрыть шум целого этажа. Сейчас он, судя по интонациям, распекал кого-то из оперов. Серёгин непроизвольно замедлил шаг. Прижался к стене, стара-

ьясь ступать как можно тише. Не то чтобы он боялся начальника, скорее, не хотел попадаться под горячую руку. Утро только началось, а настроение уже катилось куда-то вниз.

Он почти дошёл до двери своего кабинета, почти вставил ключ в замок.

- Серёгин! - бас Титова ударил в спину, как кувалдой. - Быстро ко мне!

Хлопок двери. Тишина.

Денис обречённо посмотрел на потолок, громко выдохнул и побрёл обратно - к кабинету начальника, «к Шреку на болото», как говорили в отделе.

Он постучался. Два коротких удара - вежливо, но без подбострастия.

- Товарищ полковник, разрешите?

- Проходи, Денис.

Кабинет начальника был под стать хозяину - большой, душный, с массивным столом, за которым Титов выглядел не человеком, а частью мебелировки. Сам полковник сидел, откинувшись в кресле, и протирал лысину платком. На столе перед ним лежала раскрытая папка.

- Что у тебя с бытовухой твоей? Разобрался?

- Так точно, разобрался. Егоров пока на несознанке.

Титов нахмурился. Лоб его, и без того внушительный, собрался в складки.

- У тебя доказательства уже есть? Орудие убийства с его отпечатками, кровь убитой на его одежде, мотив - всё есть!

Чего ты сиськи мнёшь? Всё остальное уже не твоё дело, там пусть другие разбираются! Некогда хреню заниматься. От меня показателей требуют, а не чистосердечных признаний. Понимаешь, Денис?

Серёгин стоял, выпрямившись, но не по стойке «смирно». Слушал, молчал, думал о своём.

Денис Серёгин не был просто исполнительным орудием в руках начальства. Он не был покорным, выслуживающимся ментом, готовым пойти на всё ради очередной звёздочки, медальки или премии. В нём, как бы это ни звучало странно для человека его профессии, жило чувство долга. Настоящее, не показное. Чувство долга и справедливости. Уважение к слабым. Все те светлые чувства, которые люди его профессии обычно пытаются приглушить, задушить, убрать полностью, потому что всё это мешает «работе».

Всё это он впитал с молоком матери. Родители, бабушки, дедушки - они передали ему то, что сами получили от своих родителей, видевших и помнивших ужасы великой войны, блокадного Ленинграда. Всё это они несли в своей памяти и передавали по наследству, в надежде, что такое не забудется никогда.

Поэтому у Серёгина всегда были слегка натянутые отношения с коллегами по цеху. Он старался довести дело до конца - законно, честно и, по справедливости. Не стремился «сбивать палки» ради отчётности. Никогда не подкидывал в карманы «криминала», чтобы закрыть какого-нибудь бедо-

лагу. Он был честным ментом.

И не сказать, что коллеги его не любили. Скорее, относились к нему с осторожностью. Не посвящали в свои дела. Ничего такого, что противоречит их обязанностям и закону, при нём не обсуждали. Да и самому Серёгину не особо было это интересно. Он считал, что у каждого своя жизнь и каждый вправе жить как хочет. И каждому придётся держать ответ в конце. А лезть с советами, когда их не спрашивают, и пытаться переубедить кого-то - глупо и бесполезно.

Так и с этим делом. Он хотел добиться от Егорова, подозреваемого в убийстве сожительницы, не просто чистосердечного признания. Он хотел раскаяния. Осознания того, что Егоров сотворил непоправимое, отняв человеческую жизнь. И непонятно было, зачем это нужно самому Серёгину. То ли потешить гордыню. То ли он и вправду хотел, чтобы сегодняшний преступник, убийца, осознал всё до мозга костей, до самой глубины своей чёрной души - и, отсидев свой срок, переосмыслив жизнь, вышел на свободу другим человеком. Сам Серёгин не мог ответить на этот вопрос.

- Ладно, - Титов откинулся в кресле, и оно жалобно скрипнуло под его весом. — Тут новое дело. Вернее, старое.

Он порылся в ящике стола, вытащил пухлую папку и бросил её на край стола. Папка шлёпнулась с глухим, тяжёлым звуком. Было видно, что её не открывали давно, уголки обложки засалились, а по корешку шла тонкая полоска пыли.

- В районе посёлка Сосновский вытащили из лесного озе-

ра машину. Номер пробили - проходит по делу о пятерых пропавших без вести. Три года назад. Им тогда занимался Некрасов.

При имени Некрасова Титов скривился так, будто у него внезапно заболел зуб. Некрасов был притчей во языцех - вечно пьяный, вечно в долгах, вечно перекладывающий папки с одного угла стола на другой. Дела под его руководством не раскрывались, а умирали своей смертью, тихо и незаметно.

- Оно так и пролежало глухарём, - продолжал полковник, - как и большинство его дел. Некрасова мы попёрли в прошлом году, но осадочек остался. Так что, Денис, ты его изучи, - он кивнул на папку, - и поезжай туда. Осмотрись, что да как. Пспрашивай местных, может, найдёшь что. Всё, иди.

- Хорошо, товарищ полковник, - выдавил из себя Серёгин. Он взял папку со стола. Она была тяжёлой, но эта тяжесть была не от бумаги, а от времени. От трёх лет, в течение которых пятеро человек числились пропавшими, а их родные ждали хоть какой-то вести.

Ехать в эту дыру ему не хотелось. Совершенно. Сосновский был даже не райцентром, а так, посёлком городского типа, затерянным в трёхстах километрах от нормальной цивилизации, глухомань, каких поискать. Но дело было не в расстоянии. Серёгин вдруг отчётливо, почти физически ощутил, что его специально отсылают в командировку. Подальше, с глаз долой, чтобы не маячил в отделе и не смущал коллег своей никчёмной честностью. Вернётся через неделю с

пустыми руками, — наверняка думал Титов, провожая его взглядом, — и будет чем заткнуть рот, если опять начнёт выступать. Мысль была неприятной, но Денис привык. Он взял папку и молча вышел.

Часть вторая

Глава 1

Евдокия Петровна никогда не рассказывала Алёше об отце. Не потому, что скрывала какую-то тайну, а потому, что ей самой почти ничего не было о нём известно. Проезжий геолог, молодой, весёлый, с городскими манерами и складными речами. Он ночевал в деревне несколько ночей, пока их группа искала что-то в окрестных лесах, не то руду, не то редкоземельные металлы, никто толком не понимал, да и не интересовался. Важно было другое: он был нездешний, из большого города. От него пахло одеколоном и сигаретами, а не навозом и соляжкой. Он говорил слова, которых в Верхнем Плесе не слышали никогда — про театры, про институты, про большие стройки где-то на востоке страны. И смотрел он на молодую Дусю не так, как местные парни. Те смотрели оценивающе, по-хозяйски, как на будущую работницу в дом. А этот смотрел с интересом, с весёлой, пьяной искоркой.

Ей было под тридцать. Она была худая, угловатая, с длинной русой косой и глазами, в которых ещё не поселилась та тяжёлая, зимняя тоска, что приходит к деревенским бабам после сорока. Она верила в лучшее. Верила, что однажды и

в её жизни случится чудо.

Геолог показался ей чудом. Он угощал вином — сладким, приторным, какого в сельпо не продавали. Рассказывал про городские огни, про квартиры с горячей водой, про то, как красиво она будет смотреться в модном платье на главной улице. Он обещал забрать её, обещал, что поженятся. Что у них будет дом, и дети, и всё, о чём она тайком мечтала долгими зимними вечерами. Она слушала, и голова кружилась, то ли от вина, то ли от слов, то ли от того и другого вместе.

Через две недели геолог уехал. Она ждала письмо месяц, два. Не дождалась.

А потом поняла, что беременна.

То, что началось после, Евдокия Петровна не любила вспоминать даже много лет спустя. Ужас, стыд, отчаяние - всё смешалось в один липкий, тошнотворный ком. Она пыталась избавиться от плода. Специально таскала тяжёлые полные бидоны с молоком, литров по сорок, пока поясицу не начинало ломить так, что темнело в глазах. Покупала у фельдшерицы какие-то таблетки, пила их горстями, пока не начиналась рвота. Ездила к бабкам-знахаркам в соседние деревни, платила последние деньги за пучки сушёных трав и мутные настойки, от которых живот сводило судорогой, но ничего не происходило. Плод держался. Цеплялся за жизнь с той же упрямой, бессмысленной силой, с какой сорная трава прорастает сквозь камни. Она поняла тогда: этому ребёнку суждено жить.

Роды были тяжёлыми. Мальчик родился крупным, здоровым, горластым. Когда повитуха положила его ей на грудь, Евдокия Петровна отвернулась. И в тот самый момент, когда она должна была впервые почувствовать тепло сына, внутри неё что-то окончательно треснуло. Не сердце, сердце она разбила себе сама ещё раньше. Треснул разум, тонко, почти незаметно, как трескается лёд на реке в марте — снаружи целый, а внутри уже разошёлся трещинами.

Первые месяцы были самыми страшными. Она не чувствовала ничего - ни любви, ни нежности, ни даже простого материнского инстинкта. Только пустоту. Только глухое, ноющее раздражение от того, что этот крикливый комок плоти разрушил все её надежды на другую жизнь. Но теперь к этому примешивалось и новое чувство - злость. Не на себя, не на геолога. На ребёнка. На всех. На весь свет.

Она оставляла его на морозе, выносила в сени, раздевала, и ждала. Ждала, что он замёрзнет, затихнет, перестанет кричать. Но он кричал. Проходил час, два, он всё ещё был жив, и голос его становился только громче. Она возвращалась, закутывала его в одеяло и сидела на кровати, глядя в стену, и губы её беззвучно шевелились, она говорила с кем-то невидимым, спорила, доказывала.

Она пыталась уморить его в бане. Оставляла на верхнем полке, где было жарче всего, и закрывала дверь. Но он дышал. Хрипел, задыхался, но дышал. И выживал. Ему суждено было жить.

Со временем она смирилась. Не полюбила, это слово было не про неё. Но привыкла. А потом с её чувствами произошло что-то странное. Медленно, незаметно, как вода точит камень, нелюбовь переросла в нечто иное, в гиперопеку, в удушающую, всепоглощающую заботу. Раз она не смогла его убить, значит, он принадлежит ей. Целиком. Полностью. Без остатка.

Но забота эта была особого рода - тёмная, ревнивая, патологическая. С каждым годом Евдокия Петровна становилась всё хуже. Трещина в разуме ширилась. Она делалась сварливее, неприятнее, подозрительнее. В каждом встречном она видела врага. В каждой бабе - угрозу для сына, который только её, и ничей больше. В каждом мужике, того самого геолога, который обманул и бросил.

Она не позволяла ему играть с другими детьми. «Вдруг они обидят сыночка», - говорила она соседкам, и в голосе её звучала такая стальная убеждённость, что никто не решался спорить. Она не пускала его гулять одного: «Вдруг что случится. Упадёт, ударится, собака покусает. Нет уж, пусть лучше дома сидит». Она ходила с ним в школу до пятого класса, держа за руку, и ждала у крыльца после уроков. Деревенские мальчишки смеялись над ним: «Мамкин сынок! Мамкин хвостик!» Алёша молчал. Он привык. Он не знал другой жизни.

Она всегда была рядом. Всегда, как тень, как второе дыхание. И Алёша принимал это, потому что больше у него ни-

кого не было. Потому что мать была единственным человеком, который о нём заботился. И он не знал, что забота бывает разной.

Он не знал, что бывает любовь без клетки.

Годы шли, но обида на того геолога не утихала. Она тлела в Евдокии Петровне, как уголь под золой, и со временем перекинулась на всё человечество. Она настолько озлобилась на людей, что порой не сдерживалась и в разговорах называла других женщин шлюхами, а мужчин кобелями. Ей казалось, что весь мир устроен так же, как та давняя история: мужчины только и думают, как бы обмануть и бросить, а женщины - как бы на это купиться. Алёша с детства слышал эти слова. Они стали для него такими же привычными, как скрип половиц или запах печного дыма.

Глава 2

Алёша был высоким уже в пятнадцать. К семнадцати он вымахал под два метра - широкоплечий, с большими руками, которые привыкли держать инструмент, а не ручку. В школе его побаивались. Не потому, что он был злым, - просто молчаливый здоровяк всегда вызывает у людей смутную тревогу. Но те, кто знал его ближе, а таких было немного, говорили: «Алёша? Да он мухи не обидит». И это была правда, он и мухи не обижал. Он вообще старался никого не трогать, жил тихо, незаметно, словно извиняясь за то, что занимает слишком много места.

Мать никогда не рассказывала ему об отце. Сказала только раз: «Откуда ж ты такой молчаливый взялся, один бог ведает. Видать, порода такая». И Алёша привык не спрашивать. Привык считать, что так и надо — жить вдвоём, на отшибе, без прошлого.

Особенно заметной его немота становилась, когда появлялась Наташа. Она была на год младше - худенькая, светло-волосая, с острыми коленками и смехом, похожим на звон ручейка. В ней было что-то такое, отчего Алёша терял остаток речи и превращался в каменное изваяние.

Наташа появилась в их деревне не так давно. Её отца направили в Верхний Плёс новым агрономом, когда старый ушёл на пенсию, и прислали молодого специалиста с семьёй.

Им дали служебное жильё, две комнаты в доме барачного типа, что стоял в самом центре деревни, напротив сельсовета. Дом был длинный, приземистый, с общим коридором и печным отоплением, но по местным меркам считался почти городским, потому что вода в колонке была рядом, а не за полкилометра.

Алёша же жил совсем иначе. Их с матерью дом стоял на краю деревни, почти на хуторе, в отдалении от основной улицы. Дальше только лес и поле. Ближайшие соседи жили через овраг, и те появлялись редко. Алёша привык к тишине, к одиночеству, к тому, что вокруг только ветер да скрип старых сосен. Может, поэтому он так и не научился говорить с людьми, говорить было не с кем.

Они учились в одной школе, но виделись нечасто. Наташа жила в центре, у неё были свои подруги, свои компании. Алёша после уроков сразу шёл домой, помогать по хозяйству или возиться со скотиной. Их миры почти не пересекались.

Он помнил тот день, когда всё началось. Сентябрь, седьмой класс. Линейка. Она стояла в толпе девчонок и щурилась на солнце, и в этом прищуре было что-то такое беззащитное и настоящее, что Алёша замер посреди школьного двора, и кто-то налетел на него сзади, выругался, а он даже не обернулся.

С того дня он начал думать о ней постоянно. Каждый день. Каждую минуту.

Между ними была стена, и эту стену построил сам Алёша.

Из страха, из стеснения, из уверенности, что такая девушка, как Наташа, никогда не посмотрит на такого, как он. Она - дочка агронома, живёт в центре, в настоящем доме с соседями и колонкой во дворе. А он - с края деревни, почти с хутора, где даже дорогу зимой замечает так, что неделями ни пройти, ни проехать.

Она здоровалась с ним иногда. Просто так, из вежливости. — Привет, Алёш.

И всё, два слова, а у него внутри в этот момент обрушивался мир. Сердце бухало где-то в горле, ладони потели, язык становился чужим, неповоротливым, как валенок. Он пытался ответить, но изо рта вырывалось только невнятное мычание.

— Ты чего, немой? — спрашивала она и смеялась. Не зло, без подкола. Но от этого было ещё больнее.

Лучше бы ты меня ударила, — думал он. Лучше бы ты сказала: «Отстань, дурак». Я бы понял, я бы отстал. Но ты смеёшься, ты просто смеёшься. И я не знаю, что с этим делать.

А потом случился тот день, когда насмешка перестала быть безобидной. Это было в апреле. Алёша возвращался из школы один. Дорога шла мимо колодца, и там, на лавочке, сидела компания - Наташа, её подруга Людка и Андрей. Они смеялись. Когда Алёша поравнялся с ними, Андрей подтолкнул Наташу локтем.

- Смотри, твой ухажёр, - громко, чтобы все слышали, ска-

зал он.

- Какой ещё ухажёр? - Наташа брезгливо поморщилась.

- Да вон, Алёша. Он же на тебя вечно глаза пялит. Немой здоровяк.

- Ой, да ну тебя, - Наташа засмеялась, но смех вышел не весёлым, а каким-то нервным. - Нашёл мне кавалера. Ему только за коровами котяхи убирать. Он же двух слов связать не может. Слабенький. И мамка у него сумасшедшая. Ты бы ещё козла мне в женихи сосватал.

Все расхохотались. Андрей громче всех. Наташа смеялась вместе с ними.

Алёша шёл, не оборачиваясь, но каждое слово врезалось в него, как гвоздь в доску. Слабенький. Котяхи убирать. Сумасшедшая мамка.

Домой он пришёл сам не свой. Глаза мутные, лицо бледное. Мать сразу заметила. Она сидела на кухне, чистила картошку, но как только сын переступил порог, нож замер в её руке.

- Алёшенька? - голос её стал тихим, опасным, как шипение змеи перед броском. - Что с тобой? Кто тебя обидел?

Он не хотел говорить. Отворачивался, мычал что-то невнятное. Но Евдокия Петровна умела выведывать - мягко, настойчиво, обволакивающе, как паук, затягивающий муху в паутину. Она села рядом, взяла его огромную ладонь в свои сухие, цепкие руки и заглянула в глаза.

- Ты мне скажи, сынок. Ты мне всё скажи. Кто посмел?

Кто моего мальчика тронул?

И Алёша, запинаясь, путаясь, выложил всё. Про колодец. Про Наташу. Про «слабенького». Про «сумасшедшую мамку».

Евдокия Петровна выслушала молча. Ни один мускул не дрогнул на её лице. Только в глазах загорелся нехороший, тусклый огонь, как в окнах дома, где уже никто не живёт, но свечи ещё горят.

- Ах, так, - сказала она тихо. - Значит, говоришь, Наташенька? Шлюха она. Как мать её - шлюха. И отец - кобель. Они все такие.

Она поднялась, вытерла руки о фартук. Сняла его, аккуратно сложила на стул. Потом, не сказав больше ни слова, вышла из дому.

До барака, где жила Наташа, было минут двадцать быстрым шагом. Евдокия Петровна прошла этот путь минут за десять. Она не шла, летела, прямая, как оглобля, и встречные невольно расступались. Что-то было в её лице такое, от чего люди отводили глаза.

Наташа сидела на скамейке у дома, всё ещё с Людкой. Андрей уже ушёл. Они болтали, грызли семечки. Когда из-за угла вылетела Евдокия Петровна, Людка первая заметила её и толкнула Наташу локтем. Но та не успела ничего понять.

- Ты! - закричала Евдокия Петровна, и голос её разнёсся по всей улице. - Ты как посмела моего сына оскорбить?! Шлюха! Мелкая, грязная шлюха! Вся в мать свою! И отец

твой - кобель! Вы все такие!

Наташа вскочила со скамейки, побледнела. Она попыталась что-то сказать, но Евдокия Петровна уже набросилась на неё. Схватила за волосы, дёрнула с такой силой, что Наташа взвизгнула от боли. Клок светлых волос остался в кулаке старухи. Она не остановилась, принялась бить девушку по щекам, размашисто, звонко, ладонями наотмашь.

- Шлюха! - шлепок. - Шлюха! - шлепок. - Запомни, кто ты есть! Запомни, кто мой сын!

Наташа кричала. Людка бросилась в дом. Через минуту выскочили родители Наташи - мать, полная женщина в переднике, и отец, высокий, бородатый, в кирзовых сапогах. За ними выбежали соседи, кто-то схватил Евдокию Петровну за плечи, кто-то попытался разжать её пальцы, всё ещё сжимавшие волосы Наташи.

Её оттащили. Она вырывалась, брыкалась, плевалась. Из рта летели слюни вперемешку с проклятиями. Её держали втроём. Наконец она затихла. Стояла, тяжело дыша, и смотрела на рыдающую Наташу с выражением абсолютного, ледяного спокойствия. Как будто ничего не произошло. Как будто, так и надо.

- Запомни, - сказала она тихо, но отчётливо. - Ещё раз тронешь моего сына - я тебе не волосы вырву. Я тебе глаза вырву.

Она развернулась и пошла прочь. Никто не пошёл за ней. Никто не остановил.

Когда Евдокия Петровна вернулась домой, в кулаке у неё был крепко зажат клочок Наташиных волос. Длинные светлые пряди, перепутанные, с вырванными у корней волосяными луковицами, на которых ещё темнели капельки крови.

Она протянула руку к Алёше и разжала пальцы.

- Вот, сынок. Это тебе.

Алёша взял клочок. Осторожно, почти благоговейно. Он смотрел на него долго. Потом сложил несколько раз, аккуратно, старательно, чтобы получился пучок. Поднёс его к носу. И вдохнул. Запах. Тот самый. Свежий хлеб и что-то сладкое, молочное. Как луговые цветы после дождя. Он склонил голову вправо - нежно-нежно, почти по-детски. Глаза его закрылись. Губы тронула улыбка. Не безумная, пока ещё нет. Просто счастливая.

Мать смотрела на него. И в её взгляде было что-то такое, чего никто никогда не видел - нежность. Тёмная, извращённая, страшная нежность женщины, которая готова разорвать любого, кто посмеет тронуть её сына.

- Ничего, Алёшенька, - прошептала она. - Мама всегда рядом. Мама никому тебя не отдаст.

Потом появился Андрей.

Андрей был ничем не лучше Алёши. Учился так же средне, работал так же руками, одевался в то же, что и все. Но было в нём одно качество, которого Алёше не хватало отчаянно, до зубного скрежета: он умел говорить. Он мог подойти к любой девчонке и сказать какую-нибудь ерунду, но так,

что она смеялась. Мог хлопнуть по плечу, подмигнуть, рассказать анекдот. Слова у него были лёгкие, как семечки, сыпались и сыпались без остановки.

С Наташей он начал дружить ещё в начале восьмого класса. Сначала просто болтали на переменах. Потом стали сидеть вместе в столовой. Потом провожать друг друга после школы. Алёша смотрел. Смотрел, как Андрей кладёт руку ей на плечо - легко, небрежно, как будто имеет на это право. Как она смеётся его шуткам. Как они идут по улице вдвоём, и её волосы касаются его плеча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.